
Отчего я должен нести на себе все!
Отчего все ложится на плечи! Весь
страх, вся вина, все содеянное вами!
Отчего вся пролитая вами кровь вопиет во мне, чтобы я никогда не знал покоя! Проклятия злодеев и жалобы безвинных жертв — отчего моя злосчастная душа должна страдать за вас! ... Запах вашей крови будит во мне тошноту, давит на меня неискупаемостью вины! Ваши судьбы я должен тащить на себе, вашей дорогой я должен идти неустанно, между тем как вы давно нашли отдых от деяний своих в могиле!

Пер Лагерквист. «Палач»

Глава 1

Телефонный звонок раздался неожиданно. Дронго читал последние страницы нового романа Пола Андерсона, когда прозвучал этот звонок. Сработал автоответчик, специально включавшийся при каждом звонке, чтобы находившийся в доме хозяин мог слышать, кто к нему звонит. Как правило, он не отвечал на звонки и различные предложения, которые к нему поступали. Но почти

всегда заносил информацию в память своих компьютеров, предпочитая тут же забывать о назойливых абонентах. Но в этот день все произошло иначе. Его насторожил голос позвонившего.

— Добрый день, — сказал автоответчик женским голосом, — вы можете оставить свое сообщение, и вам перезвонят. Начинайте говорить после звукового сигнала.

— Добрый день, — раздался нерешительный голос, — это говорит ваш старый знакомый академик Архипов. Мне как-то не очень удобно называть вас этой кличкой Дронго. Я привык обращаться к вам по имени-отчеству, хотя знаю, что вы не любите, когда вас так называют. Тем не менее я прошу вас позвонить мне, когда вам будет удобно. Если, конечно, вы сочтете возможным со мной связаться. И если вы находитесь в Москве. У нас очень сложное и серьезное дело, и мне нужна ваша консультация. Или даже так — ваша помощь. Вы знаете мой телефон, но если вы его вдруг потеряли или запомнили, то я вам продиктую его. Позвоните в любое удобное для вас время. Извините за неожиданный звонок.

Сообщение кончилось. Дронго включил его повторно. Выслушав еще раз слова академика, он подошел к окну, лбом прислонился к стеклу. Архипов не стал бы беспокоить его по пустякам. Он слишком ценил и свое время, и время своих собеседников. Значит, произошло нечто действительно очень важное и, судя по всему, неприятное. Дронго решительно повернулся к телефонному аппарату. И, подняв трубку, набрал номер домашнего телефона академика Архипова. На часах было около восьми часов вечера. Трубку взял сам академик.

— Добрый вечер, — поздоровался Дронго, — хотя я знаю, что для вас это все еще середина дня. Ведь обычно вы работаете до трех-четырёх часов утра.

— Добрый день, — обрадовался Архипов, — я ждал вашего звонка. Спасибо, что вы позвонили. Я очень боялся, что вас не будет в городе.

— Что у вас случилось? Вы сказали, что нужна моя помощь.

— Очень нужна. Мне крайне неловко вас беспокоить, но мне кажется, что это как раз тот самый случай, когда можно обратиться к вам за помощью. Простите, но у нас очень большие неприятности.

— Надеюсь, у вас, а не у вашего коллеги.

Оба собеседника знали, о чем идет речь. Те неприятности, о которых он говорил, произошли в научном центре в Сибири, в небольшом поселке Чогунаша. Имело место крупное хищение материальных ценностей, и приехавшему эксперту пришлось заниматься поисками не только виновников случившегося, но и похищенных грузов.

— Нет, нет, — торопливо сказал Архипов, — на этот раз нужна помощь совсем иного рода. Слава богу, ничего похожего у нас случиться не может.

— Но все действительно так серьезно?

— Очень. И это не телефонный разговор. Простите, что я вас беспокою, но мне кажется, что, кроме вас, никто вообще не сможет нам помочь.

— Хорошо. — Он знал, что академик не имеет склонности к преувеличению. Это был прагматик, привыкший к рациональному мышлению и строгой логике фактов. Раз Архипов позвонил ему и просит срочно помочь, то совершенно очевидно, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

— Я все понял, — коротко ответил Дронго, — у нас есть еще время?

— Боюсь, что нет.

— Тогда я буду у вас завтра утром. Или мне нужно приехать немедленно?

— А вы можете? — уточнил Архипов.

— Думаю, что да, — он задумчиво потер подбородок. — Нужно только побриться, — и если вы скажете мне ваш домашний адрес, я буду у вас через полчаса.

— Я живу на Кутузовском проспекте. Запишите номер дома и код на замке в подъезде.

— Диктуйте, — улыбнулся Дронго. Очевидно, академик понял свой промах.

— Да, — сконфуженно сказал он, — я тоже никогда и ничего не записываю.

Он продиктовал цифры и на прощание чуть виноватым голосом добавил:

— Спасибо. Я вам очень благодарен. Простите еще раз, что беспокою, но это как раз тот случай, когда можете разобраться только вы. Мне кажется, что мы столкнулись с чем-то невероятным. Я очень рассчитываю на ваши способности.

— Надеюсь, они пригодятся. До свидания.

Он положил трубку. Интересно, что у них могло стрястись? Столь неожиданное и неотложное, что деликатнейший Архипов решился позвонить ему вечером и даже настаивать на приезде. Он посмотрел на часы. Нужно побыстрее собраться. Судя по голосу академика, это необходимо.

Ровно через полчаса, успев по дороге купить букетик цветов, он уже звонил в дверь Архипова. Почти сразу в коридоре слышались быстрые шаги, и сам хозяин дома встретил его на пороге. Архипову было под семьдесят. Высокий, все еще сохранивший прежнюю красоту мужчина, сколько Дронго его помнил — он был сед. Испортив себе зрение еще в молодости, он постоянно ходил в очках. Запоминающееся лицо Архипова довольно часто мелькало на экране телевизора в различных передачах о науке и ее успехах.

— Надя! — воскликнул Архипов, увидев роскошный букет. — Ты только посмотри, что принес нам наш гость.

— Обычный букет, — смущенно буркнул Дронго.

В большой просторный холл вышла хозяйка дома. Ей было лет шестьдесят, хотя выглядела она гораздо моложе своих лет, все еще сохраняя стройную фигуру, не сдавшуюся под натиском возраста. При виде букета она всплеснула руками и, сияя улыбкой, понесла цветы в ванную.

— Идите в гостиную, — пригласила она, — будем пить чай. Но сначала напою цветочки.

— Нет, — возразил Архипов, — лучше мы сначала пройдем в мой кабинет, а уже потом будем пить чай. Хотя знаешь, что. Принеси нам чай в кабинет.

— Хорошо, — согласилась супруга.

Дронго прошел в кабинет хозяина дома. Книжные полки выстроились правильными рядами снизу доверху. В этом доме явно господствовал культ книги. Навстречу Дронго поднялся невысокий плотный мужчина с ровным лысым черепом, словно специально выточенным неким кудесником. По форме его череп напоминал идеальный бильярдный шар. У незнакомца был тяжелый мясистый нос и большие, бросающиеся в глаза ушные раковины.

— Михаил Михайлович, — представился он, протягивая руку.

— Здравствуйте, — поздоровался Дронго.

— Это мой заместитель по хозяйственным вопросам — Михаил Михайлович Сыркин, — представил незнакомца Архипов, — он у нас отвечает и за режим на предприятии и вообще за нормальное функционирование института.

— Я думал, слово «режим» уже вышло из употребления, — пошутил Дронго.

— Как видите, нет. Вы же знаете, что наш институт разрабатывает проблемы, связанные и с ядерной энергетикой. А это всегда предполагает наличие некоторых закрытых тем. Садитесь, пожалуйста, — предложил академик, показывая на глубокие массивные кожаные кресла, хранившие отпечаток бывшего благополучия.

— Спасибо, — Дронго сел в кресло.

В этот момент зазвонил телефон, и Архипов поднял трубку в своем кабинете. Очевидно, это был параллельный телефон. Архипов, извинившись, продолжил говорить, а Дронго тем временем с интересом осматривал ряды книжных полок.

— Хорошая библиотека, — констатировал он.

— Да, — согласился Михаил Михайлович. Книжки явно интересовали его гораздо меньше гостя.

— Вы давно работаете с Архиповым? — спросил Дронго.

— Уже достаточно давно. Семь лет. Я очень много слышал о вас от Архипова, он рассказывал, как вы помогли им в Чогунаше. Да и на старом месте работы о вас тоже много говорили.

Рукопожатие у него было довольно сильным. Дронго усмехнулся.

— Где вы работали раньше? Во внутренних войсках?

— Да, — удивился Михаил Михайлович, — откуда вы знаете?

— У вас почти военная выправка, но я не думаю, что меня могли знать и в армии. Скорее это внутренние войска МВД? Верно?

— Правильно, — заулыбался довольный Михаил Михайлович, — я вышел в отставку как раз в девяностом. Был полковником МВД. Успел побывать в нескольких «горячих точках», когда меня комиссовали. Месяца четыре я был без работы, потом устроился в ин-

ститут. И с тех пор работаю с Сергеем Алексеевичем.

— Что же у вас произошло?

— Ужас. Если бы мне кто-нибудь рассказал, я бы в жизни не поверил. Но это случилось... Хотя, пусть лучше вам все расскажет сам Сергей Алексеевич. А я добавлю, если понадобится.

В этот момент Архипов закончил разговор и, положив трубку, крикнул в другую комнату:

— Я занят. Меня не беспокоить, — после чего прошел к дивану, устроившись напротив гостя.

— У нас крупные неприятности, Дронго, — начал академик. — Вы знаете, как я не люблю беспокоить людей по пустякам, но случившееся в стенах нашего института настолько чудовищно и невероятно, что милиция и ФСБ, которые ведут расследование, вот уже несколько месяцев не могут ничего понять. А мне не хотелось бы, чтобы подобное преступление осталось безнаказанным.

— Вы можете рассказать все по порядку, — нахмурился Дронго.

— Конечно, все по порядку, — кивнул Архипов. — Все началось несколько месяцев назад. Как вы знаете, у нас режимный институт, и к нам посторонних просто не пускают. Во всяком случае, так нам казалось еще полгода назад. Но теперь мы просто не знаем, что думать. В общем, несколько месяцев назад у нас начали появляться разного рода непристойные журналы, открытки. Мы вначале не обращали на это внимания. У нас много молодежи, казалось, что кто-то из ребят развлекается. Журналы начали находить в туалетах, в разных отделах. Стали появляться жалобы от женщин, сотрудники возмущались этими картинками, которые становились все скандальнее, откровенная порнография буквально захлестывала нас. Это был удар для всего коллектива. Тогда мы считали, что это «работает» кто-то посторонний. Хотя вскоре стало ясно, что действует кто-то из своих. Словом, мы поняли, что в институте появился циничный хулиган.

Мы несколько раз собирали совещания, стыдили сотрудников, объясняли пагубность подобной заразы в коллективе. Все возмущались, проходило несколько дней, и все повторялось.